

Соб. музей ура, 1963, 2 мар.

ТВОРЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ

«ПРОСТО, НО С БОЛЬШОЙ ФАНТАЗИЕЙ...»

закономерно для Кольцова. Он уважает своего зрителя, пред-полагая в нем мыслящего человека. «Мне всегда нужно по-верить, — говорит актер, — что

ЮРИЙ КОЛЬЦОВ пришел в Художественный театр тридцать лет назад.

По традиции, он выходил в толпе, играл... паровоз за сценой и готовил себя к большой работе. Первый успех в горьковских «Врагах» (1935 г.) — молодой рабочий Рябцов.

Большеглазый, молчаливый парень в сатиновой косоворотке решался умереть за товарища просто, серьезно, с достоинством рабочего человека. В том, как неуклюже ставил он ноги в грубых сапогах, смущался, было что-то от вчерашнего детства. Рябцов с его негромким героизмом, выйдя на сцену так ненадолго, врезался в память, заставлял думать о себе. Он был достойным противником своих временно побеждавших врагов, а их играли Качалов, Книппер-Чехова, Тарханов, Хмелев!

Несколько позже Кольцов получил сразу две роли — Треплева в «Чайке» и Освальда в «Привидениях», но спектакли эти не состоялись, переменялись планы театра. И все же как верно «угадал» тогда Немирович-Данченко молодого Кольцова. Наверное, Ибсена и Чехова актер играл бы

по-своему, раскрывая трагическую сущность образа скромными, незаметными средствами.

Герои Кольцова — люди талантливые, умные, но менее всего сознающие свой талант и ум. Они погружены в мечты, в дела и мало заботятся о впечатлении, которое производят.

Лет десять назад на сцене, на экране, в живописи торжествовало искусство «парадного портрета». Кольцов сыграл в 1956 году профессора Полежаева в «Беспокойной старости» и противопоставил этой позолоте и парадности большое внутреннее содержание, человечность, тонкое «психологическое письмо».

Актер не умиляется поступками старого профессора, не возвеличивает его, не комментирует каждый его шаг; он играет его очень лично, вкладывая в роль свое гражданское чувство, свое требование к человеку. Для кольцовского Полежаева стремление служить народу и революции, отсутствие высокомерия, прямота, честность, умение трудиться с утра до ночи в нетопленном доме — нечто естественное, само собой ра-

зумеющееся. Кольцов не заметил в Полежаеве «профессорских чудачеств». Его голубоглазый старик с молодым голосом и слабыми зябучими руками сосредоточен на главной задаче своей жизни. Безостановочно работает мысль — пусть в это время он отвернулся от нас и видна только спина, немного сутулая, обтянутая домашней, из толстой материи в клетку курткой.

За одним великим человеком, которого Кольцов сыграл так просто, не подчеркивая величие, последовал другой: Циолковский в фильме «Человек с планеты Земля». Учитель из Калуги, неказистый, пораженный страшным недугом — глухотой, но какой ум светится в глазах, какой большой талант скрыт за будничной внешностью!

Уж очень часто повторяются слова Станиславского — «жизнь человеческого духа». Но не обойтись без них, когда речь идет о Кольцове. Его «специальность» — психология человека, скрытые движения души. «...актер-творец несет со сцены неизмеримо большее, чем заключено в ситуациях и репликах роли, у него и своя позиция, и богатство наблюдений, и сегодняшняя (а не архаичная) актерская техника». Этими словами Кольцова можно определить его собственное искусство.

Играя в Ростове-на-Дону «Живой труп», Кольцов убеждал, что Федя Протасов не только порядочный, честный человек, но и

талантливый писатель. Все мы помним великолепный кусок прозы, которую читает Протасов Маше, эта сцена написана Толстым, она существует в каждой постановке «Живого трупа». Но, пожалуй, среди многих исполнителей только Кольцов попытался найти в характере Протасова, в складе его ума черты писателя, так и не добившегося признания. Не все, видевшие «Безымянную звезду» в Художественном театре, согласились с режиссером М. Кнебель, выбравшей на роль учителя Миройю Кольцова. Но то, как сыграл Кольцов безвестного мечтателя, живущего в провинциальной дыре и не замечающего грязи, одиночества, скуки, потому что есть любимая наука, есть книги, есть звездное небо, намного дороже, чем приглушенная в спектакле любовная тема.

Наверное, проще было бы сыграть священника в спектакле «Все остается людям» человеком средних способностей, профессионалом-утешителем, механически повторяющим затверженное, — такого легче осудить, развенчать... Кольцов выбрал самое трудное: его отец Серафим — интеллигент, искренне верящий, что приносит добро, тихий, старомодный, несловохотливый. Дронов, как клещами, тянет из него слова, а он погружен в собственные мысли и говорит не все, что думает. Такое решение, исключаящее всяческую популяризацию,

в зале сидят друзья, люди передовых взглядов, интеллектуально богатые, с хорошим вкусом».

Кольцов истинный мхатовец. В его искусстве, в его актерской этике живут лучшие традиции этого театра. Все знают, что «нет маленьких ролей — есть маленькие актеры». Кольцов утверждает это своим актерским трудом. Маленькая роль Михалевица в «Дворянском гнезде» — своего рода открытие. Открытие характера, своего взгляда на Тургенева.

У Кольцова есть свой Тургенев, свой Горький, Чехов, Толстой, Пушкин. И не только потому, что он сыграл много ролей в классическом репертуаре. Он творчески самостоятелен и как чтец — чеховские рассказы в его исполнении заслуживают специального разговора.

От самого себя Юрий Кольцов, недавно получивший звание народного артиста РСФСР, требует многого: «...быть на уровне высшего образования своего века... жить не эгоистично жизнью, а быть участником в общей жизни человечества»...

Это цитата. Кольцов нашел ее в письмах Льва Толстого и переписал в свой блокнот. А на вопрос, как бы он хотел сыграть каждую новую роль, актер отвечает коротко: «Просто, но с большой фантазией».

О. ДЗЮБИНСКАЯ.